

Aufklärung der russisch-byzantinischen Chronologie des 9. Jahrhunderts.—
Bull. XXVII, p. 338—362 = Mém. russes V, p. 8—42.

1889.

29. Записка Академика А. А. Куника объ ученыхъ трудахъ члена-корреспондента Императорской Академіи Наукъ Василія Григорьевича Васильевского. С.-Петербургъ 1890. 40 стр. in 8°.

1894.

30. Записка о составленіи перечня византийскихъ грамотъ и писемъ, читанная академиками В. Г. Васильевскимъ и А. А. Куникомъ. — Зап. Имп. Акад. Наукъ. Т. 75, стр. 98—102.

† В. Г. Васильевскій.

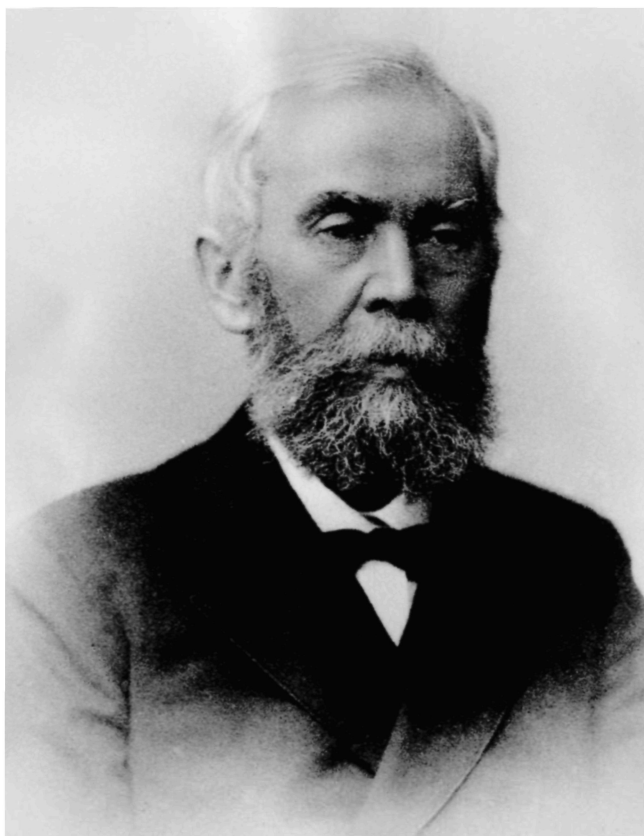
(Съ портретомъ).

13 мая во Флоренціи скончался нашъ первый византиистъ, старшій по возрасту, первый по таланту, по эрудиціи, по значенію въ наукѣ.

Старшій не значитъ старый, Василій Григорьевичъ Васильевскій поспѣлъ насъ слишкомъ рано. До послѣдней минуты чувствовалъ онъ большое желаніе работать, перо выпало у него изъ рукъ уже на смертномъ одрѣ; послѣднія страницы, написанныя имъ, появились послѣ его смерти, нѣкоторыя изданія его такъ и остались не оконченными. Василій Григорьевичъ скончался на 62-мъ году, въ возрастѣ, который для иностранныхъ ученыхъ совсѣмъ не считается преклоннымъ. Кончину его слѣдуетъ назвать преждевременной еще и потому, что не легко давалось ему земное поприще, и лишь въ послѣднее десятилѣтіе онъ могъ считать себя матеріально обеспеченнымъ; только наступало время, когда выслуживъ наконецъ пенсію онъ могъ бы, разставшись съ нѣкоторыми занятіями, предаться всецѣло любимой наукѣ, и завершить свои многолѣтніе труды, какимъ-нибудь новымъ обширнымъ изслѣдованіемъ, или по меньшей мѣрѣ дополненнымъ и исправленнымъ изданіемъ своихъ сочиненій, разбросанныхъ по журналамъ.

В. Г. Васильевскій былъ сыномъ сельскаго священника Любимскаго уѣзда Ярославской губерніи (род. 21 января 1838 г.) и первоначально воспитывался въ Ярославской духовной семинаріи. Только выдающіяся способности и исключительное трудолюбіе пролагаютъ путь отъ скромной хаты къ университетской кафедрѣ и въ Академію Наукъ.

Въ 1856 г. В. Г. Васильевскій поступилъ въ Главный Педагогическій Институтъ, а затѣмъ по закрытіи его перешелъ на послѣдній курсъ Историко-филологическаго факультета С.-Петербургскаго университета. Студентъ Васильевскій обратилъ на себя вниманіе профессоровъ Благовѣщенскаго, Срезневскаго и Стасюлевича, и въ 1862 г. онъ былъ по-

**Василій Григорьевичъ
Васильевскій**

*Василій и Ф. Васильевъ С. Петербурга. Издательство 1872 г.
Печатня Н. Яковлева*

сланъ заграницу для усовершенствованія въ наукахъ. Поѣздка эта несомнѣнно принесла ему большую пользу и отразилась впоследствии на его трудахъ. Онъ всесторонне изучилъ всеобщую исторію и научился работать у такихъ авторитетовъ, какъ Моммзенъ и Дройзенъ.

Однако, необходимость добывать хлѣбъ насущный заставила В. Г. Васильевского по возвращеніи изъ за границы принять мѣсто преподавателя въ Виленской гимназіи. Но онъ не могъ довольствоваться однимъ преподаваніемъ и занялся разработкой мѣстнаго архивнаго матеріала; впоследствии онъ напечаталъ нѣсколько трудовъ по исторіи Литвы, а первая его ученая работа была посвящена римской исторіи. Съ первыхъ же шаговъ молодой ученый показалъ, что онъ живо интересуется родной стариной и желалъ бы освѣтить русскую исторію съ общеевропейской точки зрѣнія и приложить къ ней методы, выработанные западными учеными.

Ровно тридцать лѣтъ тому назадъ появился первый обширный трудъ В. Г. Васильевского, его магистерская диссертация, подъ заглавіемъ: «Политическая реформа и социальное движеніе въ древней Греціи въ періодъ ея упадка». Сочиненіе это не могло не привлечь вниманія ученаго міра, прежде всего самымъ выборомъ темы. «Въ небогатой ученой литературѣ русской, замѣчалъ авторъ въ предисловіи, всетаки можно указать нѣсколько сочиненій или хотя переводныхъ статей, относящихся къ другимъ періодамъ греческой исторіи; но послѣднія времена самостоятельнаго существованія въ Греціи еще не были у насъ предметомъ не только изслѣдованія, но даже какого-либо вниманія».

Въ этой работѣ, посвященной социальной реформѣ Агиса и Клеомена, уже проявились главнѣйшія качества, которыми всю жизнь отличался Василій Григорьевичъ: тщательное и критическое изученіе источниковъ, большая начитанность, умѣнье опредѣлить причину и происхожденіе событий и освѣтить отдѣльное явленіе съ общиисторической точки зрѣнія. «Наше объясненіе источниковъ, говорилъ авторъ, изъ которыхъ явилось извѣстіе объ аграрномъ законодательствѣ Ликурга, дѣлаетъ фактъ этого законодательства болѣе чѣмъ сомнительнымъ и вполне отвергаетъ его дѣйствительность, ибо самое извѣстіе оказывается основаннымъ отчасти на ложной постановкѣ вопроса, отчасти на тенденціозномъ отношеніи къ нему. Зато, съ другой стороны, мы получили тотъ важный результатъ, что преобразовательныя попытки спартанскихъ царей окажутся не случайными и неожиданными, а подготовленными цѣлой философской пропагандой. Политическія теоріи образуются и развиваются подъ вліяніемъ политической дѣйствительности и въ свою очередь имѣютъ вліяніе на ходъ государственной жизни. Было бы очень любопытно и поучительно прослѣдить это взаимодѣйствіе въ общей греческой исторіи. Но не уклоняясь отъ нашей ближайшей цѣли, мы можемъ остановиться только на одномъ пунктѣ, который, какъ намъ кажется, имѣетъ близкое отношеніе къ исторіи спартанской реформы. Мы думаемъ, что она была отчасти

подготовлена развитіемъ греческой политической философіи и стояла въ связи съ нѣкоторыми политическими ученіями, при томъ такими, которыя находятся въ родствѣ съ очень распространенными и въ тоже время очень утонченными идеями новаго времени. Новое время не всегда признаетъ свое заимствованіе у стараго и еще рѣже сознаетъ, что оно повторяетъ зады. Можетъ быть не послѣдняя задача исторіи и здѣсь воздать каждому должное».

Не довольствуясь своей спеціальной темой, молодой авторъ старался подмѣтить въ древней Греціи общіе историческіе законы. «Внутреннее соціально политическое развитіе греческаго народа, говорилъ онъ, совершалось по тѣмъ же самымъ законамъ, какіе замѣтны въ исторіи другихъ государствъ; оно представляетъ въ сущности тотъ же самый порядокъ явленія и смѣны основныхъ формъ экономического и общественнаго быта, какой потомъ повторяется въ исторіи Рима и новыхъ государствъ Европы».

По защитѣ магистерской диссертациі В. Г. Васильевскому въ 1870 г. была предложена кафедра въ С.-Петербургскомъ университетѣ, которой онъ не оставлялъ до самой своей смерти. Съ этихъ поръ въ теченіе почти 30 лѣтъ онъ читалъ общій курсъ среднихъ вѣковъ, а предметомъ своихъ спеціальныхъ изысканій сдѣлалъ Византію. Въ печати онъ не объяснялъ, почему именно посвятилъ себя изученію Восточной имперіи и какое значеніе придавалъ византиновѣдѣнію. Однажды онъ замѣтилъ мимоходомъ (въ рецензіи на докторскую диссертацию Ѳ. И. Успенскаго): «Задача исторической русской науки во всѣхъ отношеніяхъ весьма разнообразна и широка; она еще очень молода и почти начинаетъ только касаться даже такихъ отдѣловъ, въ которыхъ ей слѣдовало бы быть полною госпожей. Есть отдѣлы, въ которыхъ она не должна и не можетъ довольствоваться повтореніемъ чужого. Къ такимъ отдѣламъ принадлежитъ, конечно, и византійская исторія, такъ тѣсно связанная съ русскою и византійскою». Въ разговорахъ съ пріятелями Василій Григорьевичъ неоднократно высказывалъ убѣжденіе, что именно здѣсь находится та сфера, въ которой можетъ проявиться и воспитаться самостоятельная дѣятельность русскихъ ученыхъ въ области всеобщей исторіи, что здѣсь предстоитъ имъ не только усвоеніе чужого и въ лучшемъ случаѣ почтительное слѣдованіе издали по протоптаннымъ слѣдамъ и дорогамъ, но и открытіе новыхъ путей, равноправное участіе въ общей европейской ученой дѣятельности, съ возможностью не только заимствованія, но и своихъ собственныхъ вкладовъ.

Въ то время, когда выступилъ на ученое поприще В. Г. Васильевскій, уже довольно много говорили о византійскомъ вліяніи въ русской исторіи и признавали, что вліяніе это достойно изученія. Но не было охотниковъ посвятить себя спеціально Византіи, приступить къ изысканіямъ, гдѣ на каждомъ шагѣ встрѣчались почти неодолимая трудности; многихъ пугало отсутствіе предварительныхъ работъ и критическаго изданія

источниковъ, еще болѣе отталкивалъ средневѣковый языкъ, для котораго п до сихъ поръ нѣтъ ни удовлетворительной грамматики, ни полнаго словаря. Василій Григорьевичъ смѣло пошелъ на встрѣчу всѣмъ этимъ трудностямъ; съ рѣдкимъ терпѣніемъ, съ поразительной усидчивостью сталъ онъ работать въ области, столь невыгодной п въ матеріальномъ отношеніи п въ отношеніи популярности. Своей труженнческой жизнью онъ лучше всякихъ словъ доказалъ, какое важное значеніе онъ придавалъ византійской исторіи.

Не подлежитъ сомнѣнію, что изученіе Византіи представляетъ существенный интересъ въ тройкомъ отношеніи. Во первыхъ, оно необходимо для объясненія многихъ сторонъ европейской исторіи, не только политическихъ фактовъ, но п культурныхъ. Такія событія, какъ крестовые походы п ихъ послѣдствія экономическія, умственные, нравственные, не могутъ быть всесторонне освѣщены безъ тщательнаго изученія византійскихъ источниковъ, а при изслѣдованіи другой важнѣйшей эпохи, такъ называемаго Ренессанса, нельзя обойтись безъ знакомства съ состояніемъ византійской науки. Во вторыхъ, не возможно заниматься славянскимъ міромъ, обходя Византію. Исторія югославянскихъ государствъ, отчасти Россіи, на столько переплетается съ исторіей Восточно-римской имперіи, что иногда византійскіе историки являются главными п даже единственными источниками. Византія пользовалась такимъ обаяніемъ на Балканскомъ полуостровѣ, что болгары п сербы прямо пересаживали къ себѣ византійскія учрежденія, заимствовали византійскіе чины п титулы, п на Руси византійское вліяніе сказывалось повсюду п въ церковной сферѣ, п въ правѣ, п въ литературѣ, п даже въ домашней жизни, въ нравахъ п обычаяхъ. Ясно, что для ближайшаго опредѣленія воздѣйствія п взаимодѣйствія Востока п Запада, нужно изучать Византію въ ней самой п для нея самой. Тогда только окажется возможнымъ рѣшить любопытный вопросъ, почему Восточно-римская имперія прожила на тысячу лѣтъ долѣе Западной, п что представляетъ византійская исторія, прогрессъ или постепенный регрессъ? Во всякомъ случаѣ п въ этомъ третьемъ отношеніи Византія не лишена глубокаго общепсторического интереса. Это единственное большое европейское государство, просуществовавшее въ средніе вѣка п павшее тогда, когда другія европейскія государства напротивъ развивались п укрѣплялись. А между тѣмъ п на Востокъ п на Западъ населеніе состояло изъ европейскихъ народовъ; п тутъ п тамъ не трудно усмотрѣть общую культурную основу, унаслѣдованную отъ древняго міра, право было римскимъ, наука эллинской.

Работы В. Г. Васильевского освѣтили Византію со всѣхъ этихъ сторонъ, проложили новые пути по всѣмъ направленіямъ.

Въ 1872 году появились его статьи «Византія п Печенѣги», которыя можно смѣло назвать образцомъ спеціальнаго изслѣдованія. У автора не было въ рукахъ какихъ-нибудь вновь открытыхъ источниковъ, недостатковъ его предшественникамъ. Правда, онъ привлекъ такой матеріалъ,

который хотя и былъ давно напечатанъ, оставался въ небреженіи, напр. переписку Теофилакта Болгарскаго, но главнѣйшимъ образомъ онъ пользовался всетаки пзвѣстными историками, Кедриномъ, Атталіотомъ, Анной Комниной. Тѣмъ не менѣе В. Г. Васильевскій сумѣлъ сказать нѣчто совсѣмъ новое, потому что онъ обладалъ удивительнымъ талантомъ вычитывать въ сухихъ лѣтописяхъ то, чего другіе не замѣчали. Въ то время какъ по изложенію Филлея или даже Герцберга (писавшаго много позже 1872 г.) Сельджуки и Печенѣги дѣлають какіе-то безсвязные и случайные набѣги на Восточную имперію, В. Г. Васильевскій показалъ, что турецкая орда сельджуковъ и турецкая орда печенѣговъ, разлученныя въ своихъ странствованіяхъ, встрѣтились на поляхъ Малой Азіи въ двухъ враждебныхъ лагеряхъ, тутъ благодаря самой Византіи пришли къ сознанию своего родства и готовились соединиться, чтобы разрушить Восточную имперію и основать на ея развалинахъ турецкое сельджукое-печенѣжское царство.

Авторъ вполне исчерпалъ тему; не разъ случалось мнѣ провѣрять работы дорогого учителя, и я всегда убѣждался, что источники использованы имъ до послѣдней мелочи и ни единой черточкой нельзя пополнить его изложенія. Мало того, онъ старался освѣтить печенѣжскіе набѣги съ болѣе общей точки зрѣнія. Онъ доискивался причины, почему византійскимъ парямъ такъ трудно давалась борьба съ дикими кочевниками, и находилъ ее въ общемъ положеніи имперіи; съ другой стороны онъ показалъ, къ какимъ слѣдствіямъ привели походы сельджуковъ и печенѣговъ. Только послѣ изслѣдованія В. Г. Васильевскаго стало понятнымъ, что Алексѣй Комнинъ въ отчаяніи могъ призвать на помощь западныхъ рыцарей для общей борьбы съ невѣрными, что византійскій царь самъ способствовалъ возникновенію перваго крестоваго похода и появленію подъ стѣнами Константинополя грознаго войска крестоносцевъ. Печенѣжскіе набѣги, представлявшіеся маловажными и неинтересными другимъ изслѣдователямъ, получали совсѣмъ иную окраску въ талантливомъ изложеніи В. Г. Васильевскаго; специальное изысканіе о турецкихъ ордахъ приводило къ важному результату, къ новому болѣе глубокому и основательному объясненію одного изъ крупнѣйшихъ фактовъ европейской исторіи.

Авторъ такъ широко понялъ свою задачу, что въ статьяхъ о Византіи и Печенѣгахъ ему пришлось коснуться раздѣленія церквей, и тутъ, при обсужденіи этого щекотливаго и труднаго вопроса, столько разъ лживо и ложно столковывавшагося въ ту или иную сторону, Василій Григорьевичъ показалъ рѣдкое безпристрастіе, которымъ онъ отличался и въ наукѣ, и въ жизни. «Нѣтъ сомнѣнія, говоритъ онъ, что въ тѣхъ событіяхъ, которыя привели къ означенному разрыву восточной и западной церквей, большая часть вины падаетъ на властолюбивую наглость представителей римскаго престола. Но едва ли также можно утверждать, что всѣ слова и дѣйствія Кирязарія были проникнуты духомъ хри-

стіанской кротости и братолюбія, хотя, конечно, весьма можно сомнѣваться въ томъ, что лицо противоположнаго характера на Константинопольскомъ патріаршемъ престолѣ могло бы предупредить разрывъ, коренившійся весьма глубоко. Во всякомъ случаѣ, мы думаемъ, что честь православнаго Востока гораздо болѣе поддержана была возвышенною миролюбивою и въ тоже время твердою рѣчью патріарха Антіохійскаго, чѣмъ страстными обличеніями Кпруларія. Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ пожалѣть, что полемика, которая потомъ завязалась между богословами обѣихъ церквей, вовсе не шла тѣмъ путемъ соглашенія, мира и уступчивости, который былъ указанъ истинно-христіанскимъ, истинно-гуманнымъ голосомъ Петра Антіохійскаго».

Истинно-христіанскій, истинно-гуманный голосъ Петра Антіохійскаго плѣнялъ В. Г. Васильевскаго, потому что это былъ его собственный голосъ, велѣніямъ котораго онъ слѣдовалъ въ жизни. Изъ подъ пера историка, изслѣдовавшаго печенѣжскіе набѣги, незамѣтно для него самого вылились слѣдующія строки, характеризующія его прекрасную душу.

«Первые годы послѣдняго десятилѣтія въ XI вѣкѣ, это былъ моментъ, когда государственная Византія, гордая своими римскими преданіями, своимъ незапятнаннымъ православіемъ, своимъ безконечнымъ превосходствомъ надъ всѣмъ варварскимъ міромъ, грубыми инстинктами котораго она умѣла управлять съ такимъ искусствомъ, и къ средѣ котораго она причисляла какъ западныхъ христіанъ, такъ и своихъ славянскихъ единовѣрцевъ, потеряла вѣру въ себя и въ высокія заслуги своего православія. Эти заслуги передъ судомъ исторіи дѣйствительно высоки, но онѣ, конечно, не оправдывали того іудейскаго, во всякомъ случаѣ не христіанскаго воззрѣнія, что догматы и обрядъ составляютъ всю сущность христіанства помимо духа любви христіанской; что общество, которое умѣетъ понимать и толковать всѣ глубины догмата и лучше другихъ сохранило правильность обряда, есть уже новый сосудъ избранія, во всѣхъ случаяхъ какъ бы обязательно охраняемый самимъ Богомъ, что временныя несчастія и бѣдствія происходятъ только отъ случайныхъ и частныхъ нарушеній въ какомъ-то подразумеваемомъ договорѣ съ Божествомъ, а не отъ постоянного забвенія основной заповѣди о христіанскомъ братствѣ и любви».

Такъ смотрѣлъ на Византію лучшій ея знатокъ, не соглашаясь съ тѣмъ, кто видѣлъ въ ней одніи отрицательныя стороны, но и не сочувствуя писателямъ, преклоняющимся передъ византійскими порядками, идеализирующими ея государственный и общественный строй.

Благодаря разностороннему освѣщенію, которое умѣлъ придавать отдѣльнымъ фактамъ В. Г. Васильевскій, безъ его изслѣдованія «Византія и Печенѣги» не могутъ обойтись теперь ни византиистъ, ни ученый, изучающій средневѣковую исторію. Нужно или опровергнуть его выводы, что было бы не легко и не научно, или принять ихъ и на ихъ основаніи писать исторію перваго крестоваго похода.

В. Г. Васильевскій не ограничился эпохой Алексѣя Комнина и продолжалъ свои европейско-византійскія изслѣдованія. Въ Славянскомъ Сборникѣ появились двѣ его очень цѣнныя статьи подъ заглавіемъ «Изъ исторіи Византіи XII вѣка». Здѣсь на основаніи всевозможныхъ источниковъ западныхъ, русскихъ и византійскихъ подробно разобраны два эпизода европейской исторіи: во 1) образованіе союза двухъ имперій, византійской и германской (съ 1148 г. — 1155 г.), во 2) распаденіе этого союза послѣ южно-итальянской войны 1156—1157 г. Авторъ выяснилъ, какимъ образомъ заключенъ былъ миръ между Вильгельмомъ Сцилійскимъ и Мануиломъ Комниномъ, миръ, означавшій отреченіе отъ бзестящихъ плановъ, долго легѣмыхъ Византіей, означавшій также разрывъ дружбы и союза между двумя имперіями, завязанныхъ еще при Лотарѣ и Іоаннѣ Комнинѣ и еще болѣе скрѣпленныхъ личными отношеніями Конрада и Мануила, и вмѣсто того подготовившій союзъ Мануила съ Александромъ III и ломбардскими городами противъ Фридриха Барбаруссы. Западные историки (напр. Герцбергъ) много выиграли бы, если бы были знакомы съ этой работой нашего ученаго, такъ какъ и союзъ двухъ имперій, и вышеупомянутый миръ остались ими недостаточно оцѣненными. Существенныя поправки къ исторіи втораго крестоваго похода, какъ онъ излагается въ новѣйшихъ изслѣдованіяхъ нѣмецкихъ ученыхъ, сдѣланы В. Г. Васильевскимъ въ обстоятельномъ комментарий къ неизданному надгробному слову Василия Охридскаго на смерть Ирины, супруги императора Мануила Комнина.

Приложенія къ статьямъ «Изъ исторіи Византіи XII вѣка» ясно показываютъ, на что В. Г. Васильевскій обращалъ главное вниманіе. Тутъ имѣются спеціальныя изысканія о первыхъ Неманичахъ, о Борисѣ Коломановичѣ, объ извѣстіяхъ Русской лѣтописи, объясняющихъ византійско-венгерскія отношенія. Разрабатывая тотъ или иной вопросъ византійской исторіи, авторъ никогда не терялъ изъ виду славянскаго міра.

Среди нашихъ историковъ Василій Григорьевичъ приобрѣлъ прочную славу именно благодаря своимъ трудамъ, посвященнымъ отношеніямъ Византіи къ Руси. Въ 1875 г. появились его статьи о варяго-русской дружинѣ и вслѣдъ затѣмъ обширная работа подъ скромнымъ заглавіемъ «Русско-византійскіе отрывки», трудъ, которому самъ авторъ придавалъ наибольшее значеніе. Когда Василій Григорьевичъ рѣшился наконецъ перепечатать въ значительно дополненномъ и исправленномъ видѣ свои сочиненія, онъ началъ съ Русско-византійскихъ изслѣдованій, но къ несчастію успѣлъ напечатать всего одинъ выпускъ.

Своими русско-византійскими изслѣдованіями В. Г. Васильевскій изумилъ ученый міръ. Онъ сдѣлалъ цѣлый рядъ неожиданныхъ открытій первоначальная русская исторія принимала совсѣмъ иной видъ, чѣмъ ее обыкновенно представляли. Выводы автора отличались своей оригинальностью, они не подходили къ распространеннымъ взглядамъ, не согласовались ни съ теоріями норманистовъ, ни тѣмъ болѣе съ ихъ малонауч-

ными противниками. А въ тоже время новое зданіе было возведено на очень прочномъ фундаментѣ. Византинискъ подвергъ пзвѣстія нашей лѣтописи такому тщательному и разностороннему разбору, какого она не испытывала со стороны специалистовъ по русской исторіи.

Авторъ впервые произвелъ подробный анализъ легенды о посѣщеніи Кіева апостоломъ Андреемъ, и показалъ, какъ создавалась и развивалась эта легенда. Онъ доказалъ, что не только русское лѣтописное сказаніе о путешествіи апостола Андрея по русской землѣ основано прямо на какомъ-либо недошедшемъ до насъ пзводѣ хожденія, но что и въ византийской литературѣ нныя понятія о Русской землѣ и нѣкоторые термины для ея обозначенія поддерживались знакомствомъ съ апокрифами, и что не только Мпримдонія, но и самый Самватасъ (названіе Кіева у Константина Багрянороднаго), надъ которымъ мы столько ломаемъ головы, имѣютъ свое настоящее объясненіе въ географической номенклатурѣ отреченныхъ книгъ. Это сравнительно маловажное открытіе, хотя начинающимъ ученымъ не мѣшаетъ пзучать статью о хожденіи апостола Андрея въ странѣ Мпримдонянъ, какъ примѣръ превосходнаго изслѣдованія легенды.

Гораздо существеннѣе были другіе выводы В. Г. Васильевскаго.

Пресловутый 862 годъ оказывался весьма сомнительнымъ и неимѣющимъ того значенія, какое ему приписывали. Первый походъ Руси на Константинополь (такъ называемый походъ Аскольда и Дира) происходилъ не въ 865 г., а ранѣе 862 г. Мало того, не позже 842 г. народъ, прозывавшійся Русью у византийцевъ, нападаетъ на Амастриду. Съ другой стороны послѣ пзысканій В. Г. Васильевскаго стало несомнѣннымъ, что русская рать нападала на Сурожъ въ первой половинѣ того же IX вѣка. Наносъ роковой ударъ крайнимъ норманистамъ и защитникамъ лѣтописной хронологіи, В. Г. Васильевскій въ то же время возставалъ противъ ученыхъ, которые изъ ложнаго патріотизма старались всюду находить славянъ. «Мы не дерзнемъ сказать, писалъ онъ, что та Русь, которая посѣтила въ первой половинѣ IX вѣка берега Пафлагоніи, была Русь славянская. Всѣ пзвѣстія о Руси и Русскихъ до половины IX вѣка относятся къ Тавроскиѣамъ и объясняются отождествленіемъ Руси съ Тавроскиѣами и этихъ послѣднихъ съ Готами, Валанготами и Готаланами». Авторъ прибавляетъ, что не хочетъ проповѣдывать новой теоріи происхожденія Русскаго государства или, лучше сказать, русскаго имени, которую пришлось бы назвать готскою, но не можетъ обойтись безъ замѣчанія, что при современномъ положеніи вопроса она была бы во многихъ отношеніяхъ пригоднѣе нормано-скандинавской. Теорія однако напрашивалась сама собою и представляла новое слово, логически вытекавшее изъ всѣхъ предшествующихъ соображеній автора.

Исторія X вѣка являлась подѣ перомъ В. Г. Васильевскаго въ совершенно новомъ освѣщеніи, въ отношеніяхъ къ Византіи Святослава и Владиміра онъ сумѣлъ указать такія стороны, на которыя никто не обращалъ вниманія; даже хронологія была потрясена и доказана невоз-

возможность нѣкоторыхъ датъ, въ которыхъ ни одинъ изслѣдователь не сомнѣвался. Послѣ изысканій В. Г. Васильевскаго уже непозволительно утверждать, что крещеніе Руси происходило въ 988 г., какъ это до сихъ поръ повторяется въ учебникахъ.

Стараясь раскрыть составъ варяжской дружины и объяснить, въ какомъ смыслѣ употреблялись въ Византіи названія Варяги и Русь, В. Г. Васильевскій опять таки пришелъ къ выводамъ, блещущимъ оригинальностью и имѣющимъ первостепенное значеніе для начальной русской исторіи. Два слѣдующія положенія признавались несомнѣнными и норманистами и ихъ противниками: 1) Имя Варанговъ появляется въ Византіи въ XI вѣкѣ, и появленіе этого имени объясняется прѣбытіемъ туда варяжской дружины, о которой говорится въ русской лѣтописи. 2) Съ XI в. византійцы различали Русь и Варяговъ и никогда не смѣшивали этихъ двухъ названій. Съ большой ясностью Василій Григорьевичъ доказалъ противоположное. Въ 988 г. пѣз Руси отправленъ былъ въ Византію вспомогательный военный корпусъ въ 6000 человекъ. Вслѣдъ затѣмъ мы постоянно встрѣчаемъ Русскихъ, какъ участниковъ въ войнахъ имперіи, преимущественно на азіатской границѣ и въ южной Италіи. Тамъ же исторія и сага локализируетъ Варяговъ, такъ что необходимо предполагать какую-либо связь между тѣми и другими. Подъ Варягами XI столѣтія обыкновенно разумѣютъ скандинавскихъ Норманновъ, но роль Норманновъ въ Византіи извращена позднѣйшими слагателями сагъ; первоначально слово Вэрингъ имѣло другое значеніе и прилагалось не къ однимъ Норманнамъ. Вэрингами названы тѣ люди, которые охраняли особу императора, ослѣпленнаго Гаральдомъ, а по прямому указанію очевидца Пселла, это были Тавроскины, т. е. Русскіе. Итакъ, Варягами были Русскіе. Нигдѣ и никогда (въ XI столѣтіи) имя Русскихъ не встрѣчается на ряду съ Варягами, а либо одно, либо другое, или у одного писателя Русскіе, а у другого на томъ же мѣстѣ Варяги. Византійскій оффиціальныи языкъ употребляетъ выраженія «Русь-Варяги», «Варяго-Русь». Все это вмѣстѣ взятое убѣждаетъ насъ, что Варягами назывался русскій корпусъ, отправленный Владиміромъ въ X вѣкѣ и продолжавшій существовать въ XI вѣкѣ.

Какимъ же образомъ получались такіе блестящіе результаты? откуда являлись выводы, поражающіе своей простотой, а вмѣстѣ съ тѣмъ никому раньше не приходившіе въ голову и уничтожавшіе прежнія изслѣдованія. Мало знакомые съ сочиненіями В. Г. Васильевскаго могутъ подумать, что онъ дѣлалъ какія-нибудь неожиданныя открытія въ рукописныхъ отдѣлахъ библіотекъ, случайно нападавъ на совершенно новый, неизданный матеріалъ. На самомъ же дѣлѣ это далеко не такъ. Для своего изслѣдованія о варяго-русской дружинѣ, напр., авторъ не пользовался ни одной рукописью. Но за то онъ исчерпалъ все, что было напечатано и относилось къ его задачѣ, не только всѣхъ византійскихъ историковъ, но и арабскихъ, армянскихъ, лѣтописи русскую и южно-итальянскія, саги,

даже хрисовулы, данные византійскимъ монастырямъ, въ которыхъ никто не догадывался поискать указаній на происхожденіе Русп. Всѣ эти источники могли быть доступными и другимъ ученымъ, занимавшимся первоначальной русской исторіей, но никто не умѣлъ собрать ихъ въ такой полнотѣ. Одно обиліе матеріала не дало бы Василию Григорьевичу такого громаднаго преимущества надъ его предшественниками, если бы онъ не обладалъ даромъ производить тончайшій анализъ источниковъ. Такъ поступилъ онъ съ сагами. Въ первой половинѣ XIII вѣка знатный исландецъ Снорре Стурлесонъ взялъ на себя трудъ представить связную исторію норвежскихъ королей въ цѣломъ рядѣ сагъ, начавъ отъ самой глубокой древности. Сагами этими, въ которыхъ гораздо болѣе вымысла, чѣмъ исторической правды, пользовались многіе и часто дѣлали изъ нихъ самые неправдоподобные выводы. В. Г. Васильевскій имѣлъ право со-всѣмъ отбросить этотъ мутный источникъ, но онъ предпочелъ заняться имъ и, благодаря своей проникательности, сумѣлъ отбросить негодную оправу и вскрыть алмазъ чистѣйшей воды. «Мы гораздо скорѣе и вѣрнѣе, писалъ авторъ, дойдемъ къ исторической истинѣ, если оставимъ въ сторонѣ какъ комбинаціи Снорре Стурлесона, касающіяся событій, отдаленныхъ отъ него и по времени, и по пространству, и если совершенно отбросимъ весь не историческій или сомнительный легендарный составъ его сагъ объ Олафѣ или Гаральдѣ. У насъ останутся тогда пѣсни скальдовъ, которыя онъ самъ выдавалъ за основаніе своей исторіи. При ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что современные свѣдѣтельства скальдовъ лучше согласуются съ современными же источниками иностранцами, чѣмъ съ прозаической частью саги, дополняющей и объясняющей ихъ на основаніи другихъ позднѣйшихъ матеріаловъ».

Такимъ образомъ, большой критическій талантъ В. Г. Васильевского открывалъ новые и очень цѣнные источники, въ родѣ пѣсенъ скальдовъ, ускользавшіе отъ менѣе зоркихъ глазъ другихъ ученыхъ. Для своихъ русско-византійскихъ отрывковъ онъ дѣлалъ, правда, открытія въ библиотекахъ, но только среди запыленныхъ книгъ, до которыхъ не касались руки историковъ. Занимаясь русско-византійскими отношеніями X вѣка, Вислій Григорьевичъ писалъ: «Мы уже мимоходомъ высказали надежду, что, быть можетъ, другіе изслѣдователи будутъ имѣть въ своихъ рукахъ новые, намъ пока неизвѣстные и еще скрывающіеся въ архивахъ византійскіе источники для занимающей насъ эпохи. Сейчасъ мы представимъ разительное доказательство, что такія надежды позволительно питать безъ большаго самообольщенія и безъ особеннаго пренебреженія или недо-вѣрія къ трудамъ западныхъ ученыхъ, открывавшихъ или издававшихъ памятники византійской литературы. Мы хотимъ говорить о стихотвореніяхъ Іоанна Геометра, часть которыхъ уже давно издана, но до сихъ поръ никѣмъ не была повидимому читаема со вниманіемъ. Между тѣмъ въ изданной части мы находимъ очень живое изображеніе положенія Византіи именно около 980—989 года».

Вотъ открытіе, сдѣланное В. Г. Васильевскимъ въ старой книгѣ. Іоаннъ Геометръ былъ напечатанъ Крамеромъ въ 1841 г. и отнесенъ издателемъ къ IX вѣку. Никто не предполагалъ, что можно пользоваться этимъ стихотворцемъ для исторіи русско-византійскихъ отношеній X вѣка, пока Василій Григорьевичъ остроумнымъ разборомъ его стихотвореній не показалъ, что авторъ живъ по крайней мѣрѣ на сто лѣтъ позже, чѣмъ думалъ Крамеръ.

Точно также не разъ пользовались отрывкомъ изъ житія Георгія Амастридскаго, гдѣ говорится о нашествіи Русскихъ на Пафлагонію, и приурочивали его къ X вѣку. В. Г. Васильевскій первый счелъ не возможнымъ довольствоваться нѣсколькими строками и необходимымъ разсмотрѣть памятникъ во всемъ его объемѣ. При отсутствіи точныхъ хронологическихъ данныхъ трудно было опредѣлить время, когда писалъ составитель житія Георгія Амастридскаго, но Василій Григорьевичъ замѣтилъ одно обстоятельство, которое по своей кажущейся маловажности не привлекало вниманія изслѣдователей. Составитель житія умалчиваетъ объ иконахъ; изъ этого отрицательнаго аргумента авторъ Русско-византійскихъ отрывковъ сдѣлалъ очень прочный и важный выводъ: житіе писано не позже 842 г., слѣдовательно походъ Руси имѣлъ мѣсто задолго до 862 г.

Русско-византійскія изслѣдованія В. Г. Васильевскаго были оценены по достоинству ученымъ міромъ; московскій университетъ поднесъ ихъ автору дипломъ доктора русской исторіи *honoris causa*, а Имп. Академія Наукъ въ 1876 г. избрала его своимъ членомъ-корреспондентомъ.

Другія статьи В. Г. Васильевскаго, посвященныя русской исторіи, не имѣютъ ни того объема, ни того общаго значенія, какъ Русско-византійскіе отрывки. Тѣмъ не менѣе онѣ очень цѣнны и интересны, потому что авторъ указывалъ или на мало изслѣдованные источники, или на факты, остававшіеся незамѣченными. Василій Григорьевичъ познакомилъ насъ, между прочимъ, съ торговлей Кіева съ Регенсбургомъ, съ записями о поставленіи русскихъ епископовъ, списанными въ Ватиканѣ В. Э. Регелемъ, съ польской и нѣмецкой печатью о войнѣ Баторія съ Іоанномъ Грознымъ. О послѣдней статьѣ другой большой знатокъ русской исторіи акад. А. А. Куникъ выразился такъ: «Можно безъ преувеличенія сказать, что не только начинающіе молодые ученые, но и довольно поработавшіе, а также извѣстные ученые въ области историческихъ разысканій, скажутъ искреннее спасибо Василію Григорьевичу за составленный имъ длинный перечень мало извѣстныхъ и мало доступныхъ нынѣ сочиненій, принадлежащихъ почти исключительно современникамъ Іоанна Грознаго и охарактеризованныхъ нашимъ ученымъ хотя сжато, но мѣтко».

Такой чуткій изслѣдователь, какъ В. Г. Васильевскій, хорошо понимавшій задачи исторіи, не могъ не заинтересоваться социальнымъ строемъ Византіи. Вопросы юридическіе и экономическіе разъяснены, главнымъ образомъ, въ двухъ его работахъ, названныхъ имъ «Законода-

тельство пконоборцевъ» и «Матеріалы для внутренней исторіи византійскаго государства». Теперь, когда стало такъ легко пожинать на нивѣ, воздѣланной В. Г. Васильевскимъ, молодые ученые могутъ забыть, что онъ поднималъ новъ, пожалуй даже упрекнуть его за недостатокъ системы въ его матеріалахъ, за то, что многіе важные вопросы только намѣчены, а не рѣшены окончательно. Однако, надо помнить, что двадцать лѣтъ тому назадъ историки имѣли самое смутное представленіе о византійскомъ государственномъ и общественномъ строѣ, и что не существовало словарей, гдѣ были бы объяснены экономическіе и юридическіе термины, встрѣчающіеся въ документахъ и законахъ. Одинъ ученый, большой знатокъ греческаго языка и древняго, и средняго, и новаго, переводилъ вмѣсто вопдѣтныи (половинныи) крестьянскій надѣлъ буквально и совершенно безсмысленно «воловья земля», другой не понималъ термина зевгарій. Первый знатокъ византійскаго права Цахаріэ-фонъ-Лингенталь отказывался объяснить, о какихъ податяхъ и повинностяхъ говорится въ византійскихъ хрисовулахъ.

Нельзя не вмѣнить въ большую заслугу В. Г. Васильевскому уже то, что онъ указалъ на многіе источники, которые заключаютъ въ себѣ данныя для исторіи крестьянъ и податной системы и которыми совсѣмъ не пользовались (напр. Ппра, слово Іоанна Антиохійскаго). Далѣе тѣмъ, что онъ переводилъ или излагалъ самые запутанные тексты, онъ далъ намъ возможность понимать не легкія по языку новеллы византійскихъ императоровъ и документы, собранные въ извѣстномъ изданіи Миклошича и Мюллера. Съ какими трудностями приходилось бороться Василію Григорьевичу, видно изъ слѣдующихъ его словъ: «Письма Теофилакта Болгарскаго представляютъ чрезвычайно любопытный и важный источникъ для ближайшаго ознакомленія съ внутреннимъ бытомъ Византійскаго государства въ самомъ концѣ XI столѣтія и въ началѣ XII, въ эпоху перваго крестоноснаго движенія, т. е. тѣснѣйшаго сближенія и столкновенія интересовъ Запада и Востока. Эти письма, по своему количеству составляющія очень почтенный сборникъ, весьма давно изданы, однако до сихъ поръ они остаются почти не тронутыми и заповѣднымъ сокровищемъ для исторической науки. Тотъ, кто первый ими воспользуется и введетъ заключающійся въ нихъ матеріалъ въ общій ученый оборотъ, тотъ окажетъ положительную услугу очень важной отрасли знанія историческаго и юридическаго, византійскаго и славянскаго. Къ сожалѣнію, эта задача не такъ легка и проста, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда; первыя, правда случайныя и мимоходныя, попытки къ ея выполненію оказывались совершенно неудачными. Бѣда состоитъ въ томъ, что именно въ мѣстахъ, наиболѣе интересныхъ для современнаго историческаго изслѣдователя, тамъ гдѣ рѣчь идетъ объ экономическихъ отношеніяхъ и податныхъ порядкахъ, языкъ Теофилакта изобилуетъ трудными техническими выраженіями, для которыхъ не всегда найдется подходящее толкованіе въ лексиконахъ и глоссаріяхъ.

Латинскіе переводы, которыми съ давняго времени сопровождается греческій текстъ сочиненій Теофилакта въ данномъ, впрочемъ вовсе не единственномъ случаѣ, поражаютъ больше всего своимъ крайнимъ безсмысліемъ, несомнѣнно доказывающимъ, что переводчики XVII вѣка были способны переводить то, чего они совсѣмъ не понимали, и наполнять страницы пустымъ наборомъ латинскихъ фразъ, невзвѣстно что означающихъ. Новѣйшая наука, конечно, далеко ушла отъ такихъ переводовъ, но все-таки не очень давно одинъ извѣстный эллинистъ, занимавшійся византійскими авторами и новогреческою литературой, не сумѣлъ благополучно справиться съ небольшимъ сочиненіемъ такого же рода и содержанія, какъ письма Теофилакта».

Василій Григорьевичъ справился, конечно, съ этой любопытной, но туманной перепиской, и вообще его усидчивый трудъ увѣнчался полнымъ успѣхомъ. Авторъ приложилъ свой выдающійся критическій талантъ къ юридическимъ памятникамъ, опредѣлилъ время изданія Эклоги и Земледѣльческаго Закона, разъяснилъ, чѣмъ была крестьянская община въ VIII вѣкѣ, какія мѣры принимались въ защиту крестьянскаго землевладѣнія и какъ въ концѣ концовъ разложилась свободная община, познакомилъ насъ съ такими сторонами византійской жизни, о которыхъ раньше почти ничего не знали, съ положеніемъ крѣпостныхъ и крестьянскими надѣлами, съ провіей, харистиканной системой, наконецъ, разгадалъ термины, затруднявшіе самого Цахарію. И здѣсь, какъ всегда, Василій Григорьевичъ не терялъ изъ виду интересовъ Запада и Востока, широко освѣщалъ изучаемыя явленія, обличалъ византійскіе порядки съ одной стороны съ европейскими, съ другой съ московскимъ государствомъ.

Слѣдя внимательно за всѣми появившимися новинками и знакомя съ ними публику, занимаясь кромѣ вышеуказанныхъ изслѣдованій еще исторіей византиновѣдѣнія, требовавшей кропотливыхъ разысканій въ старинныхъ изданіяхъ, В. Г. Васильевскій считалъ, что всего этого мало; онъ не оставался только изслѣдователемъ, а находилъ время пользоваться рукописнымъ матеріаломъ и даже издавать его. Василій Григорьевичъ извлекъ изъ нашихъ книгохранилищъ и обнародовалъ цѣлый рядъ памятниковъ; при этомъ онъ никогда не печаталъ одного текста, а снабжалъ его переводомъ и комментаріями. Найденные имъ «Совѣты и рассказы боярина XI вѣка (или Стратегикъ Кекавмена)» и житіе Мелетія Новаго необыкновенно ярко рисуютъ византійскій бытъ, домашнюю жизнь, нравы и обычаи, и въ этомъ отношеніи принадлежатъ къ рѣдчайшимъ и интереснѣйшимъ произведеніямъ, а комментарій издателя къ первому памятнику представляетъ цѣлыя главы изъ исторіи XI вѣка. Хожденіе въ Святую Землю Епифанія, переизданное В. Г. Васильевскимъ, снабжено такими обширными примѣчаніями, что должно быть названо настоящей христоматіей по Палестиновѣдѣнію и образцомъ критическаго изданія памятника.

Замѣчательныя изслѣдованія и изданія В. Г. Васильевскаго важны

были не только сами по себѣ, по своему содержанію, но и по тѣмъ выводамъ, которые изъ нихъ дѣлали. По прочтеніи его статей читатель говорилъ себѣ: дѣйствительно, византійская исторія имѣетъ существенное значеніе, дѣйствительно, ей стоитъ заниматься. А. А. Кунікъ справедливо замѣтилъ, что «только съ появленія многочисленныхъ трудовъ В. Г. Васильевского стало все болѣе и болѣе укореняться у насъ убѣжденіе въ значеніи византиновѣдѣнія, какъ специальной науки, достойной неусыпной дѣятельности». Когда это убѣжденіе укоренилось, ученый міръ призналъ наконецъ вполне заслуги В. Г. Васильевского и отвѣлъ ему почетное мѣсто, избравъ его въ 1890 г. въ ординарные академики Имп. Академіи Наукъ.

Было бы удивительно, еслибы такого признанія не послѣдовало у насъ, тогда какъ Василій Григорьевичъ пользовался заслуженной извѣстностью далеко за предѣлами своего отечества. На западѣ особенное вниманіе обратили на себя нѣкоторые его работы и прежде всего изслѣдованіе о Симеонѣ Метафрастѣ, по очень понятной причинѣ. Имя логогета Симеона, по прозванію Метафраста, говоря словами самого В. Г. Васильевского, связано съ двумя важными произведеніями византійской литературы и съ цѣлымъ рядомъ вопросовъ, касающихся византійской, а отчасти южнославянской и русской исторіографіи. Составленное имъ собраніе житій святыхъ пользовалось величайшимъ уваженіемъ не только у его соотечественниковъ, но и во многихъ странахъ. Греческая церковь освятила его трудъ своимъ признаніемъ и высшимъ одобреніемъ: она ввела составленный имъ сборникъ отчасти въ цѣломъ, еще болѣе по частямъ, въ свой ежедневный обиходъ, а самого автора, наиболѣе потрудившагося для прославленія святыхъ, она признала достойнымъ раздѣлять ихъ славу. Авторъ доказалъ во 1) тожество Симеона Метафраста съ магистромъ Симеономъ, составителемъ хроникки, во 2) то, что знаменитый писатель житій святыхъ жилъ вопреки общепринятому мнѣнію не въ XI, а въ концѣ X вѣка. Съ доводами В. Г. Васильевского согласился извѣстный издатель житій святыхъ Delehaeye, пользующійся значительнымъ авторитетомъ богословъ Дрездеке и знаменитый Липсіусъ, авторъ большого изслѣдованія объ апокрифахъ. Выводы, сдѣланные Василіемъ Григорьевичемъ двадцать лѣтъ тому назадъ, находили себѣ все большее и большее подкрѣпленіе. Въ послѣднее время къ мнѣнію нашего академика присоединился проф. Ергардъ и старался привести въ его пользу новыя доказательства (A. Ehrhard. Die Legendensammlung des Symeon Metaphrastes въ Festschrift zum elfhundertjährigen Jubiläum des deutschen Campo Santo in Rom. Freiburg 1897).

И въ другихъ случаяхъ критическая пропѣвательность В. Г. Васильевского не опровергалась новыми находками и соображеніями, а напротивъ блистательнымъ образомъ подтверждалась. Еще въ 1872 г. онъ признавалъ, что письмо Алексѣя Комнина къ Роберту Фландрскому было послано въ дѣйствительности, и что слѣдовательно византійскій царь самъ

призвалъ крестonosцевъ. Когда появилось изданіе гр. Ріана (*Alexii Comneni epistola spuria. Gen. 1879*), доказывавшаго подложность письма, Василій Григорьевичъ возсталъ противъ этого мнѣнія и, не смотря на новыя возраженія Ріана, перевѣсъ остался на сторонѣ перваго, и многіе ученые стали считать спорное письмо подлиннымъ. Недавно первый знатокъ крестовыхъ походовъ Гагенмейеръ (*Byzantinische Zeitschrift Bd. VI*) вновь пересмотрѣлъ вопросъ, очень внимательно отнесся къ аргументаціи В. Г. Васильевскаго и еще разъ доказалъ правильность воззрѣній нашего ученаго.

Знаменитый Грегоровіусъ пользовался однимъ изданіемъ В. Г. Васильевскаго (житіями Мелетія) для своей исторіи Аѳонъ. Извѣстный издатель византійскихъ печатей Шлumberge при составленіи своихъ монографій не мало почерпалъ изъ изслѣдованій Василія Григорьевича, относясь съ полнымъ уваженіемъ къ его авторитету. Почетное мѣсто отведено нашему академикъ и въ Исторіи византійской литературы Крумбахера, и несомнѣнно Василій Григорьевичъ именно тотъ византинистъ, труды котораго побудили редактора нѣмецкаго византійскаго журнала научиться русскому языку.

Если бы В. Г. Васильевскій не былъ вынужденъ обременять себя изысканной работой, если бы онъ не состоялъ членомъ Ученаго Комитета Министрства Народнаго Просвѣщенія и редакторомъ журнала Министрства Народнаго Просвѣщенія, если бы онъ не читалъ лекцій на Высшихъ Женскихъ Курсахъ и въ Имп. Александровскомъ Лицеѣ, онъ несомнѣнно окончилъ бы задуманныя работы; въ его письменномъ столѣ не хранились бы исписанные листы не видѣвшіе свѣта и, по меньшей мѣрѣ, онъ перепечаталъ бы свои изслѣдованія, которыя постоянно спешчатъ приписками на поляхъ. Русскимъ ученымъ рѣдко выпадаетъ на долю счастье работать въ тиши кабинета, не заботясь о матеріальномъ благосостояніи семьи; однако о томъ, что Василій Григорьевичъ былъ не только академикомъ, но и 30 лѣтъ читалъ лекціи въ С.-Петербургскомъ университетѣ, сокрушаться не приходится. Профессорство не служило помѣхой тому дѣлу, которому онъ посвятилъ всѣ свои силы, всю жизнь, напротивъ, двигало его впередъ. Одни спеціальныя сочиненія остались бы по всей вѣроятности незамѣченными студенчествомъ, на молодежь дѣйствуетъ болѣе всего живое слово. Краснорѣчіемъ Василій Григорьевичъ не отличался, но говорить дѣльно и убѣдительно онъ умѣлъ. Его охотно слушали тѣ студенты, которые плѣняются не столько красотой фразы, сколько содержательностью рѣчи. Его литографированныя лекціи по среднимъ вѣкамъ надолго по окончаніи курса дѣлались настольной книгой у всѣхъ, занимавшихся всеобщей исторіей. Въ нихъ можно было найти ясное и критическое изложеніе различныхъ теорій и историческихъ взглядовъ, кромѣ того подробную литературу предмета, потому что В. Г. Васильевскій обладалъ обширной эрудиціей и зорко слѣдилъ не только за капитальными явленіями западной литературы, но даже за журналь-

ными статьями. Его сила, какъ профессора, въ томъ и заключалась, что онъ не былъ узкимъ специалистомъ. Изъ общихъ лекцій выносили убѣжденіе, что Восточно-римская имперія занимаетъ не послѣднее мѣсто въ исторіи, что она заслуживаетъ изученія, и благодаря этому многіе шли въ аудиторію, гдѣ происходили не обязательныя, спеціальныя занятія Византіей. Здѣсь являлся передъ нами настоящій мастеръ, во всеоружіи своей громадной начитанности и блестящаго критическаго таланта, здѣсь училъ онъ насъ, какъ обращаться съ источниками, какъ доходить до самой сути вопроса, и мы слушали, пытались подражать учителю, стараясь проникнуться его тонкимъ историческимъ чутьемъ, его умѣньемъ дѣлать анализъ фактовъ и затѣмъ воссоединять ихъ въ общую картину.

Въ С.-Петербургскомъ университетѣ Василій Григорьевичъ насадилъ византиновѣдѣніе, до него не существовавшее, создалъ школу византинистовъ. И когда впослѣдствіи ученики его выступали съ дѣльными работами, онъ первый пріивѣтствовалъ ихъ, радуясь самой чистой радостью, что «на печально запущенномъ поприщѣ» появляются новые работники, что расцвѣтаютъ молодыя силы. Зависть и злоба были чужды его прекрасной душѣ.

Строгій къ самому себѣ, къ исполненію своихъ обязанностей, онъ былъ требователенъ и къ ученикамъ и къ ученымъ работамъ вообще. Требовательность совмѣщалась у него съ безпристрастіемъ; это видно изъ его рецензій, въ которыхъ онъ тщательно поправлялъ всѣ недосмотры разбираемаго автора, но въ то же время указывалъ и на его достоинства.

Въ полемикѣ особенно сказывался благородный характеръ В. Г. Васильевскаго. Во имя научной правды, которая была ему дороже пріятелей, онъ считалъ нужнымъ возставать противъ неправильныхъ мнѣній. Вступивъ однажды въ споръ по вопросу о византійскихъ владѣніяхъ на берегу Чернаго моря, онъ отвѣтилъ слѣдующее автору, не понявшему его шутки и заподозрѣвшему Василія Григорьевича въ желаніи уронить его авторитетъ передъ студентами: «Доказываемая нашимъ ученымъ другомъ мысль, если бы она была справедлива, не была бы лишена значенія и даже важности для русской исторіи; благодаря авторитету ея виновника она могла бы встрѣтить незаслуженное сочувствіе и одобреніе и русскихъ историковъ. Статья, которую мы имѣемъ въ виду, написана опытной рукой и со всѣми внѣшними признаками строгаго критическаго метода, а потому можетъ служить соблазнительнымъ и опаснымъ примѣромъ». Только этого и боялся В. Г. Васильевскій, только эту цѣль и преслѣдовалъ; рискуя нажить врага, онъ хотѣлъ устранить научное заблужденіе, никогда у него въ помыслахъ не было причинить своему литературному противнику какую-нибудь личную неприятность.

Полемизируя съ однимъ извѣстнымъ историкомъ по вопросу о славянствѣ гунновъ, Василій Григорьевичъ сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе: «Я полагаю, что со всѣмъ этимъ соединимо должное уваженіе къ ученымъ и педагогическимъ заслугамъ автора, и надѣюсь, что почтенный ученый

извинить нѣкоторую рѣзкость моей противъ него полемикѣ тѣмъ, что она направляется только противъ одного рода его трудовъ и противъ одной его книги. Хвалить одно и порицать другое въ одномъ и томъ же лицѣ не всегда бываетъ непослѣдовательностью».

Это были не пустыя фразы. Василій Григорьевичъ дѣйствительно и въ разговорѣ, и въ литературѣ отмѣчалъ не только слабыя, но и хорошія стороны своихъ противниковъ. Съ нимъ можно было спорить, но непозволительно было обижаться на этого благодушнаго человѣка, всегда прямо и открыто высказывавшаго свои убѣжденія; не возможно было не уважать Василя Григорьевича, нельзя было сомнѣваться въ искренности его словъ и въ его добрыхъ намѣреніяхъ даже тогда, когда онъ негодовалъ и порицалъ васъ. Очень знаменательно, что предсмертной его работой былъ отчетъ о Византійскомъ Временникѣ, и тутъ онъ съ рѣдкимъ безпристрастіемъ воздалъ должное своимъ сотрудникамъ и ученикамъ.

Историка, умѣвшаго съ примѣрной справедливостью оцѣнивать чужія работы, слѣдовало бы почитать такимъ же разборомъ его трудовъ, полнымъ, подробнымъ и объективнымъ. Но время еще не наступило, для меня по крайней мѣрѣ; свѣжая могила мѣшаетъ мнѣ видѣть недостатки любимаго ученаго, опочившаго слишкомъ рано. Сердце останавливаетъ критическія способности ума. Я чувствую одно, громадность утраты, скорбю всей душой, что ушелъ дорогой учитель, вдохновлявшій наши работы, нравственно насъ поддерживавшій, печалюсь, что прекратились въ университетѣ византійскія занятія, что оспротѣла Академія Наукъ.

Будемъ надѣяться, что ученики Василя Григорьевича Васильевского воздадутъ ему должное, соорудятъ ему достойный памятникъ. Пусть продолжатъ они завѣщанное имъ дѣло, пусть съ кафедръ говорятъ грядущимъ поколѣніямъ о значеніи византійской исторіи и напоминаютъ, кто былъ главою византинистовъ; пусть побуждаютъ молодежь работать такъ, какъ работалъ онъ, любить науку и служить ей, какъ служилъ онъ. И память о Василя Григорьевичѣ Васильевскомъ не преѣдетъ; много, много лѣтъ будутъ считать его образцомъ, достойнымъ подражанія, примѣрнымъ ученымъ, примѣрнымъ человѣкомъ.

II. Безобразовъ.

Списокъ трудовъ В. Г. Васильевского.

1864.

1. О новыхъ сочиненіяхъ по исторіи Римской имперіи. — Журн. Мин. Нар. Пр. Часть 121 (1864), Отд. II, стр. 226—257.

1866.

2. Рецензія на диссертацию Ѳ. Соколова: «Критическія изслѣдованія, относящіяся къ древнѣйшему періоду исторіи Сициліи». — Вѣстникъ Европы. Томъ II (1866 г.), стр. 112—123.